

КОЛОНКА КРИТИКА

Вот ведь какая судьба

В новом телевизионном фильме «Мой театр» Елена Камбурова с полным основанием утверждает прямо в кадре, что у нее «есть ряд песен, способных существовать в кинематографе выразительнее, чем в пении». И телекино в данном случае ярко выявило эту ее потребность в театральном выражении.

Она ни на кого не похожа. Своёобычен сам облик: высокая, гибкая и в то же время чуть угловатая, точно подросток. Большие, темные, невеселые глаза чаще всего устремлены внутрь себя. Нет, не грустные, а скорее задумавшиеся, пытливо ищущие что-то. Наверное, совершенство. Говорит она негромким глуховатым голосом — по нему не скажешь, что певица. А певица она поразительная, единственная в своем роде: и ее певческий диапазон, и репертуар, и главное — творческие устремления так велики и необычны, что с привычными мерками (камерная ли? эстрадная ли?) тут не подойдешь. Голос звенит вверху светлым колокольчиком, а внизу густеет почти до мужского тембра. Она и захрипеть на сцене не боится, если того требует образ. Поэзию она очень любит, знает, часто ее цитирует наизусть. Потому она первой отважно бралась за новые сочинения советских авторов, если они создавались (именно для нее) на основе большой поэзии — А. Блок, В. Маяковский, Б. Ахмадулина, Д. Самойлов...

Тот, кто посещал ее концерты, конечно, догадался, о ком я пытаюсь рассказать. Это заслуженная артистка РСФСР, лауреат премии Ленинского комсомола Елена Камбурова. В творческом объединении «Экран» Центрального телевидения наконец-то сняли о ней музыкальный фильм, нечто вроде портрета, который называется «Мой театр» (сценарий С. Давыдовой, режиссер и оператор — Г. Карюк, редактор — М. Темякова). И вот лента в лучших ее местах представляет нам замечательную трагикомическую актрису и созданный ею театр в самой трудной и блистательной его разновидности — Театр одного актера, живущего в песне.

Камбурова много размышляет на наших глазах о своем нелегком пути, отнюдь не усеянном розами, об искусстве, к которому относится трепетно и одержимо. «Единение с песней, — говорит она, — это тайна... Зато уж когда песня, вот такая, медленно идущая ко мне, приходит, расстаться с ней практически невозможно». И она рассказывает кое-что о том, как находит свою песню (о балладе «Смерть Ивана Грозного», например), а главное, показывает нам свои спектакли. Каждый номер в них по-иному привлекателен. Грим, костюмы, декорации, партнеры (в этом качестве в ленте выступают постоянные товарищи певицы, музыканты О. Синкин, А. Виницкий и другие) плюс операторское мастерство Г. Карюка, известное еще по фильмам К. Муратовой, приближают к нам, укрупняют эти создания актрисы.

Первая из таких ярких сценок в фильме — «Голубчик Петрушка» (стихи и музыка Ю. Кима), где Камбурова превосходно играет и строгую няньку, и одинокого Петрушку, жалобным голосом молящего отпустить его погулять на речной бережок, на низкий лужок. Это подлинный телетеатр, созданный в лучших традициях русской музыкальной классики, идущих еще от Мусоргского. Тем более разителен контраст с последующим номером, которым был... «Шумел камыш». Да, та самая русская народная песня, испорченная неверным бытованием, что стала чуть ли не синонимом безудержного застольного крика. Меж тем певица исполняет ее в строгой камерной манере, причем снята песня на эстраде, где только свет, голос, мимика да любимая поза (обнимая себя руками) помогают передать трагичность происшедшего с героиней. Оказывается, песня эта — трогательная жалоба обманутой девушки на свою несчастную долю, которую певица позволяет себе драматически акцентировать лишь в финале. Не менее выразительно контрастируют театрализованная «Смерть Ивана Грозного» (стихи Д. Самойлова, музыка С. Никитина) и песня Н. Матвеевой «Вот ведь какая судьба». В первой Е. Камбурова, являясь как бы «лицом от автора», одновременно превращается во всех, даже немых персонажей — от старой боярыни, загримированной явно под С. Бирман из фильма С. Эйзенштейна, до молодого звоняря на колокольне, весело и лихо отзванивающего грозного владыку. Песня же Н. Матвеевой («Платок вышивая цветной», как называет ее сама автор), где расчетливый ухажер скорее смахивает на рыжего, в лохматом парике, клоуна, не просто потешила богатой образностью и тонкой иронией, но и напомнила о давней, верной любви певицы к творчеству наших прекрасных бардов — Н. Матвеевой и Ю. Кима, которых она исполняла все два десятилетия, невзирая на различные преграды. И не случайно звучит в картине «Театральный эпилог» Ю. Кима искренний, поэтический и усмешливый монолог об актерских буднях.

Вот это постоянное, глубокое раздумье вслух о чуде искусства вообще, о песне в частности, о неодолимой магии театра, о пропасти меж сценой и зрительным залом, которую артист преодолевает каким-то отчаянным прыжком, — еще одна, едва ли не самая важная роль Камбуровой в фильме. Ибо слушать ее серьезные мысли и заметные выводы, смотреть, как они у нее рождаются и складываются в монолог, интереснее всего. Постепенно одержимость этой женщины искусством, ее тонкость и требовательность к себе начинают завоевывать вашу душу.

И впору крикнуть (не раз!) авторам фильма: «Да перестаньте вы мудрить с вашим монтажом, дайте наглядеться на актрису!». Потому что режиссер и оператор, несомненно, сам влюбленный в героиню картины, тем не менее не упускает момента и себя показать, иной раз явно за счет музыки и строгого вкуса. То голова певицы в ореоле света выплывает из неких облаков, то сквозь ее фигуру (на эстраде) просвечивает ствол дерева, то назойливо идет весьма примитивная параллель с Арлекино. Но что гораздо досаднее в этом музыкальном фильме — это не слишком бережное отношение к музыкальному тексту и восприятию его широкими массами зрителей. Есть даже случай, когда певица еще говорит на уже звучащей записи. Большинство номеров в ленте звучит за кадром или комбинированно (в кадре и за ним), лишь немногие из них («Шумел камыш» и песня Н. Матвеевой, например) исполняются напрямую «на зрителя». Но что уж совсем неприемлемо и неуважительно: песни не титрируются по ходу исполнения, а это не те вещи, которые у всех на слуху. В конце же картины они даны «чохом» в таком темпе, что никто не успевает даже прочесть, не то что запомнить. Все это, к сожалению, ослабляет воздействие музыкального фильма на зрителей, в последнее время вовсе этим жанром не избалованных.

Е. ОЛЬХОВИЧ.